

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Василий Шарлаимов Австралийский магнат

Василий Анатольевич Шарлаимов

Австралийский магнат

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57239428

SelfPub; 2020

Аннотация

В этой книге посоветуется о двух военных морях, которых вереница головокружных, трагикомичных событий забросила не только на различные континенты, но и на разные ступени социальной лестницы. Спустя 8 лет неожиданное столкновение бывших сослуживцев втянуло их в водоворот курьезных, уморительных и умопомрачительных событий. Смекалка, находчивость и чувство юмора помогли одному из героев повести выйти из цепочки передраг ещё более состоятельным и богатым человеком. Те же самые качества поспособствовали второму протагонисту выбраться из лавины сногшибательных злоключений с чистой совестью и незапятнанной предательством честью. А о том, кто из героев больше выиграл в этой жизни судить не автору, а читателю. Содержит нецензурную брань.

1. Морской волк.

В маленьком запущенном городском скверике было невообразимо тихо и безлюдно. Ночная темнота, слегка рассеиваемая слабыми лучами дальних фонарей, придавала кустарникам и деревьям какие-то причудливые, гротескные формы. Посреди сквера мерцала и поблёскивала гладь овального пруда, отражая в своём хрустальном зеркале свет равнодушных к нам зимних звёзд. Каменный пешеходный арочный мостик, соединяющий противоположные берега водоёма, казался творением умельцев давно позабытой, исчезнувшей цивилизации.

Мы безмолвно сидели на массивной каменной скамье, подложив под себя толстые фоллианты рекламных проспектов, предусмотрительно подобранные нами из кучи выброшенной макулатуры. Иначе усидеть на холодной гранитной плите было бы попросту нереально.

Под скамейкой, положив длинную морду на скрещенные лапы, мирно дремала лохматая бездомная собака. На нижних ветвях развесистых деревьев, окружающих скамью, смутно вырисовывались неподвижные силуэты крупных диковинных птиц. Но и они не издавали ни малейшего звука, застыв в сонливом летаргическом оцепенении.

Степан, уютно пристроившись рядышком со мной, отчаянно зевал, рискуя вывихнуть свою увесистую богатырскую челюсть.

Спешить нам было решительно некуда, так как мы безнадежно опоздали на последний рейсовый автобус Порто-Гимараеш. Следующий экспресс отправлялся из терминала ARRIVA в 11:20, так что нам нужно было где-нибудь перекаптоваться в эту уже наступившую Рождественскую ночь. К тому же, мы по неосмотрительности заплутали в незнакомом городе и не имели ни малейшего понятия, где находится автовокзал. Среди иммигрантов ни у меня, ни у Степана друзей или знакомых в Порто не имелось.

Мой могучий друг снова так сладко и широко зевнул, что я отчетливо услышал, как хрустнули суставы его мощной челюсти.

– Мама моя родная! – с трудом ворочая языком, простонал великан. – Ведь так и грызло невзначай заклинить может! Придется в ближайший госпиталь с открытой настежь варежкой бежать! Так зевнул, что аж горькие слёзы на глазах навернулись!

Степан встал и тяжёлыми шагами направился в сторону развесистых платанов. В ночной тишине, где-то там, у корней могучих великанов, зародился весёлый журчащий ручеёк. О, нет, не ручеек! Это струя мощного гейзера, звеня и играя, наконец-то вырвалась на вольную волю! Похоже, что не только горькие слёзы переполняли моего могучего друга. За сегодняшний день его утроба поглотила невообразимо огромное количество пива. И со времени нашего исторического посещения гипермаркета, я не видел, чтобы хоть ка-

пелька влаги покинула его богатырский организм обычным, естественным способом. Как порыв свежего восточного ветра, глубокий вздох облегчения и удовлетворения всколыхнул нежные ветви ближайших кустарников.

– Господи! А люди ведь тома пишут о том, что такое счастье!

Гейзер постепенно иссяк и, выродившись в жалкую струйку Бахчисарайского фонтана, тихо умер среди изумрудных стеблей давно не ухоженного травяного газона.

Внезапно два ярких луча мощных карманных фонарей прорезали густую темноту между стволами старых платанов. Пляшущие среди деревьев лучи выхватили из крошечной тьмы статную фигуру моего друга и напряжённо замерли. Щурясь от яркого света, Степан стоял слегка распакованный с приспущенными джинсами, скрестив свои ручища на чём-то выпирающем чуть пониже его живота. Он медленно развернулся, и на его лице появилось выражение крайнего недоумения. Почему, мол, его глубокомысленные размышления были прерваны таким некорректным и бестактным образом?

Лучи фонарей лихорадочно задрожали и заметались из стороны в сторону. Кто-то испуганно охнул, кто-то громко и удивлённо присвистнул.

– Не свисти! Бо в твого батька будуть дурні діти! (Прим. укр. пословица.) – глубоким низким голосом, граничащим с инфразвуком, прогудел Степан. И этот потусторонний, замогильный голос явно не сулил ничего хорошего бесцере-

монным неожиданным визитёрам. Фонари мгновенно погасли, будто гигант без натуги задул их своим феноменальным могучим гласом. Задул, словно праздничные свечи на огромном именинном торте. Звуки поспешных шагов, переходящих в трусцу, а затем и в стремительный спринтерский бег, постепенно затихли где-то у дальнего выхода старого сквера.

Степан, неспешно, подошёл к скамье, на ходу подтягивая за пояс свои огромные джинсы, словно намереваясь дотянуть их до самого подбородка. Он спокойно застегнул пряжку ремня в виде двуглавого орла, подтянул вверх бегунок молнии и, вздохнув, досадливо поморщился:

– Ну, что за люди! Так и норовят всунуть свой пятак в интимную жизнь незнакомых им личностей! А если б я, случайно, с девушкой был?

– Да хоть и с юношей! – усмехнулся я. – В Старушке Европе к этим делам относятся чересчур снисходительно. А может, эти ребята сами искали место, где бы опорожниться?

– С карманными фонарями? – засомневался Степан. – Если б мои руки не были так заняты, то эти ночные гуляки ушли б отсюда с дополнительными фонарями, причём симметрично под каждым глазиком.

– Ах, Стёпа, Стёпа! Ну, нельзя же быть таким кровожадным! Ведь вполне вероятно, что они искали здесь клад несметных сокровищ! – выдвинул я более романтическую версию. – Этот сквер на вид очень древний и кто знает, что таиться в его таинственных недрах.

Но гиганту, похоже, были чужды возвышенные чувства и авантюристические устремления.

– А как же! Здесь под каждым кустом валяются неслыханные сокровища! – саркастично раскритиковал он мою теорию. – Там, под тем деревом, какая-то свинья... нет, скорее всего, корова, от всей души наложила грандиозный клад! И если б я случайно вступил... в права его владения, то не отмылся бы до самого Нового года! Хорошо ещё, что у меня глаз, как у зоркого филина, а нюх, как у породистой борзой собаки!

– Да, мой друг! – ехидненько поддакнул я – Скарабей, по сравнению с тобой, – жалкая ошибка дикой природы!

– Скарабей? – подозрительно переспросил Степан. – А это ещё что за тварь?

– Житель безводных пустынь, – проинформировал я друга. – Он клады такого типа за сто миль чувствует.

Гигант тяжело плюхнулся задом на каталог фирмы "3 Suisses". Под скамейкой дико взвыла бездомная собака и, жалобно повизгивая и прихрамывая, со всех ног бросилась в ближайшие кусты. Похоже, Степан ненароком отдал ей переднюю лапу. Мой друг затуманенным взором взглянул в том направлении, где медленно затихали скорбные вопли несчастной суки и судорожно зевнул. Это был воистину фантастический зевок! Рот Степана распахнулся так, что туда беспрепятственно могла бы проскочить белка средних размеров, приняв его глотку за вполне подходящее для уютно-

го гнёздышка дупло. Гигант издал протяжный звук, подобный гудку крупнотоннажного танкера, предупреждающего в тумане мелкие судёнышки о своём неотвратимом приближении. Степан сам испугался своего рёва и, стеснительно озираясь, прикрыл свой впечатляющий ротик широкой ладонью.

– О, Боже! Ну и зевнул! Чуть гланды на дорожку не вывалились! Нет, Василий! Идём отсюда! Поищем какое-нибудь дешёвое пенсау. (Прим. Pensão – дешёвая гостиница. Порт.). Если мы задремлем на этих гранитных плитах, то под утро проснёмся насквозь простуженными, охрипшими и с кошмарнейшей головной болью. Если, конечно, вообще проснёмся! – пессимистично подытожил мой друг.

Мы встали и направили наши гудящие от усталости стопы к выходу из потревоженного нами сквера.

– Как жаль, что любители ночных прогулок с фонарями так неожиданно вспомнили о своих делах, не терпящих отсрочки и отлагательства, – недовольно пробурчал я. – Мы могли хотя бы у них спросить, где мы находимся и в каком направлении нам идти. К несчастью, их очень смутили твои неординарные габариты.

– Да, похоже, – согласился Степан. – Я частенько страдал из-за своей необычной комплекции. Большинство людей полагали, что раз Бог дал мне силу и рост, то обидел умом и способностями. Конечно, в лицо мне это никто не говорил, опасаясь, что я могу представить в ответ очень даже веские

контраргументы. (И гигант показал свой огромный крепко сжатый кулак). Но за спиной я частенько слышал насмешливый шепоток: "Сила есть – ума не надо". Особенно доставалось мне, когда я служил на крейсере "Адмирал Горшков". Был у нас там мичман Иван Фёдорович Маркушкин, заслуженный ветеран военно-морского флота, уроженец славного города Одессы. Умудрился послужить во всех флотах Советского Союза. Даже на Каспии успел побывать. С нескрываемой гордостью провозглашал, что всегда был на передовом рубеже защиты нашей Советской Родины: там, где требовались его трезвый ум, недюжие способности, смелость, находчивость и богатый жизненный опыт. Но скорей всего, причинами его постоянных переводов с флота на флот и с корабля на корабль были скверность его характера, неуживчивость, надменность и заносчивость. Не умел он ладить ни с начальством, ни с коллегами, ни со своими непосредственными подчинёнными.

Сам-то Маркушкин был маленького росточка, как говорят в народе, метр с фуражкой. Уж очень страдал, что папка в детстве его очень мало по вертикали за уши тягал. Авось и вырос бы чуть-чуть побольше и постройнее. И как только такого недомерка на службу взяли? Говорил, что он два года оббивал пороги военкомата, и так "достал" весь персонал этого казённого заведения, что им осталось либо всем составом подать в отставку, либо призвать героя на службу нашей Великой Родине. Ну, и послать его хоть в какую-ни-

будь глушь и желательно, как можно подальше.

А герой, хоть от горшка – три вершка, но мнил себя непризнанным Наполеончиком. Любил поразглагольствовать, как бы он организовал флот и службу на нём, будь на то его право и воля. Лез постоянно ко всем со своими советами и предложениями, и частенько через голову своего непосредственного начальства. Сам понимаешь, кому это понравится?!

Но надо признаться, что, хотя мичман был и невысок, но сам он был плотно сбит, широк в плечах, а руки у него были, как клешни у камчатского краба! По утрам по полчаса двухпудовые гири тягал и, играючи, баловался увесистой стальной штангой. Ну, прямо тебе Геракл в приплюснутом виде! Одни узловатые мышцы и ни капли лишнего жира!

Ножки у Маркушкина были совсем коротенькими, как два обрубка дубового брёвнышка. Но бегал он на них по трапам, лестницам и сходням так быстро и проворно, что Тарзан рядом с ним показался бы дряхлой черепахой Тортилой! Как-то, на спор с мичманом Серовым, он спустился с верхней смотровой площадки крейсера в самые подвалены машинного отделения за 43 секунды. Спорили на 45. Маркушкин буквально съезжал на руках по поручням и перилам, едва касаясь ногами ступенек. А ведь никто не мог преодолеть это расстояние даже меньше, чем за минуту.

Мичман не в шутку считал себя любимцем экипажа, мудрым учителем и наставником молодых матросов. Ну, как в

той небезызвестной поэме классика: "Слуга ЦК, отец салагам".

– Постой-постой! – озадаченно потёр я подбородок. – Если ты имеешь в виду Лермонтова, то в "Бородино" написано: "слуга царю, отец солдатам".

– Какая разница?! – пренебрежительно отмахнулся Степан. – Смысл ведь тот же самый! К подчинённым Маркушкин обращался исключительно на "ВЫ".

– ВЫблядки, ВЫскочки, ВЫродки, ВЫшкребыши! – нередко в бешенстве орал он. – Да я вас из всех щелей на свет Божий ВЫтащу, наизнанку ВЫверну, ВЫдеру, ВЫсушу и дурь из вас ВЫшибу!

А потом ещё и хотел, чтоб после таких отчих напутствий матросы его преданно любили, почитали и уважали!

Все, кто видели Маркушкина обнажённым в бане, могли смело заверить, что посетили малую Третьяковскую галерею. Достаточно было всего лишь раз пройтись вокруг бравого мичмана. Очевидно, он побывал в руках незаурядного художника и опытного мастера своего дела. Всё тело его было разукрашено татуировками, причём наивысшего качества и изумительной чёткости. Чего там только не было изображено: Нептун с русалками, экзотические острова с пальмами и обнажёнными аборигенками, киты, дельфины, осьминоги, акулы и прочая морская живность. На ягодицах его симметрично красовались два корабельных якоря, на члене же были выколоты: с одной стороны слово ПОЛЯ, а с другой, по

словам Маркушкина, стрела шалунишки Амура. Хотя все в один голос утверждали, что она более напоминает ржавый гарпун престарелого эскимоса.

Говорят, что во время очередной медкомиссии, старенький доктор ужасно возмутился, когда увидел этот ходячий экспонат:

– Батенька! Да разве можно имя любимой женщины писать на таком срамном месте?!

Мичман смутился, опустил голову и стыдливо поведал доктору свою печальную историю. Будучи ещё молодым матросом, он служил на десантном корабле, где во время учебной высадки и стал жертвой несчастного случая. Посланный капитаном со срочным поручением, Маркушкин съезжал по поручням лестницы вниз и не заметил, как морской пехотинец, с примкнутым к автомату штыком, как раз сел передохнуть на нижнюю ступеньку. Тормозить Ивану Федоровичу пришлось непосредственно своим передком о стальное лезвие. Так он и лишился части своего мужского достоинства. А до этого там было выколото: "Привет из Севастополя".

– Знаешь, Стёпа! – недоверчиво поморщился я. – Уж слишком эта история напоминает старый флотский анекдот. Мне кажется, что я его уже где-то не раз слышал.

– К твоему сведению, многие анекдоты – это случаи из жизни, когда-то и с кем-то уже произошедшие, – обиженный моим скептицизмом проворчал Степан. – Мне и самому поначалу не очень-то и верилось. Но матросы, которые мылись

с мичманом в бане, в один голос утверждали, что у него на конце члена – страшный уродливый шрам, а слово "поля" написано с малой буквы. Из-за рубцов этого шрама Маркушкин и пользовался феноменальным успехом у слабого пола. Конечно, по его же собственным словам. Нет! Женщины его иногда всё-таки любили, но лишь за большие деньги и после солидной порции алкоголя. Роба мичмана была изуродована чем-то наподобие густой россыпи крупных оспинок. Будто бригада передовых колхозниц прошлась по его рыхе своими стальными граблями.

Зато Маркушкин считал себя непревзойдённым бардом, воспевающим широту морских просторов и романтику дальних походов. По воскресениям он собирал в кают-компани всех свободных от вахты матросов, брал в руки выдавшую виды семиструнную гитару и противным, гнусавым голосом запевал:

– Раскинулось море широко

И волны бушуют вдали...

Но хуже всего, что он заставлял добровольно-принудительных слушателей хором подпевать ему при исполнении некоторых особо популярных песен. Так хоть можно было немного вздремнуть за спинами товарищей. Но когда твои соседи дружно орут: ... на побывку едет молодой моряк..., то тут абсолютно не до дрёмы и тем более не до сна. А эту песню мичман просто-напросто обожал. Маркушкин вполне серьёзно утверждал, что именно он, проезжая через Москву

в очередной отпуск, и вдохновил авторов на создание этого всенародно любимого шлягера.

Репертуар же у Маркушкина был чрезвычайно богат и разнообразен. Песни известных авторов он разбавлял самолично сочиненной им преснятиной и бредятиной. Так что иногда это терзание слуха и нервов длилось по три полных часа кряду. В перерывах между песенными шедеврами, мичман умилённо утопал в буре оваций, краешком глаза примечая тех, кто недостаточно активно выражает своё восхищение и восторг его музыкальным талантом. Уж тем матросам были обеспечены самые неприятные наряды на камбуз и на чистку галююнов. И Вы, конечно понимаете, месье, что Ваш покорный слуга (и Степан неожиданно для его могучего телосложения отвесил галантный поклон эпохи Людовика XIV) не избежал горькой чаши сией. Маркушкин, с первой же нашей встречи, сразу же невлюбил меня.

– Разве могут до слуха этого толстокожего гибрида жирафы с носорогом пробиться волшебные звуки изумительной музыки? Да и поймёт ли их он? Ну, что ж! Тот, кто не желает слушать звонкие аккорды божественной лиры Аполлона, будет наслаждаться на камбузе перезвоном грязных мысок, чашек и нечищенных кастрюль, – полунасмешливо, полуиздевательски говорил он.

– Слушай, дружок! Неужели только из-за такой бездельницы мичман тебя так недолюбливал? – с сомнением полюбопытствовал я. – Может быть, у него были куда более вес-

кие причины для недовольства тобой?

Степан смущённо замялся, видимо соображая, стоит ли ему открывать мне всю горькую правду об его отношениях с придирчивым начальником. Но, немного поразмышляв, гигант всё-таки решил не утаивать истины:

– Если быть предельно откровенным, то у меня уже в те времена начал "прорезаться" поэтический дар. Мне казалось, что если поэт-песенник действительно посвятил Маркушкину такие тёплые слова, то только потому, что недостаточно хорошо знал этого скользкого типа. Поэтому я слегка скорректировал текст песни, так горячо любимой нашим меломаном-мичманом. Слово "моряк", я заменил на "чудак", ну, разве что слегка преобразовав первую букву. А там, где пелось: "...Грудь его в медалях, ленты – в якорях...", слово "ленты" заменил в аккурат той частью тела Маркушкина, где у него действительно красовались якоря. Были и ещё кое-какие незначительные, но острые поправки к тексту. Моим друзьям так понравились эти мелкие изменения, что на воскресных концертах нашего барда они стали дружно подпевать ему именно таким образом. А так как мичман страдал "синдромом тетерева" и, распевая песни, слышал только самого себя, то эти маленькие проказы сходили нам с рук. Замкапитана по политчасти даже прилюдно похвалил Маркушкина:

– Молодец, мичман! Матросы с таким энтузиазмом и вдохновением подпевают вам, что их слышно даже в машин-

ном отделении. Я уже не говорю о моей каюте. Вы вносите значительный вклад в воспитание подчинённых в духе патриотизма и любви к военно-морскому флоту.

– Служу Советскому Союзу! – гаркнул Маркушкин, сияя, как начищенная бляха салаги.

Но всё-таки со временем бард стал замечать какой-то странный диссонанс между заслуженным солистом и массовой фоновой подпевкой. В конце концов, правда всплыла на поверхность, как сигнальный буй из терпящей бедствие субмарины. Нашёлся прихвостень, который "настучал" мичману, кто является автором популярных текстовых нововведений. А так как чувство юмора у Маркушкина, почему-то, оказалось значительно ниже среднего уровня, то наши с ним и без того натянутые отношения значительно обострились.

2. Вознесение маэстро.

– И это всё? Больше ты ничем не насолил своему начальнику? – не унимался я.

– Ну, был у меня с мичманом ещё один малюсенький инцидент, – застенчиво улыбнувшись, покаялся Степан. – Даже не инцидент, а скорей всего так, небольшое недоразумение. Накануне дня военно-морского флота я получил из дома посылку. Прихожу в подсобку к Маркушкину за своим ящиком, а тот лежит на столе у мичмана уже вскрытый и распотрошенный. А это мурло держит в руке коробку львовских конфет и, брызгая слюной, истерически кричит:

– Матрос Тягнибеда! Вы можете мне объяснить это форменное безобразие?!

А жена пообещала мне вложить в эту коробку денежки на всякие мелкие расходы. Любаша вместе с моей сестрой осторожно вскрыла коробочку, положили под конфеты банкноты и снова аккуратно запаковала. Моя сестра Света – искусная рукодельница! С первого класса посещала кружки вязания, вышивания, кройки и шитья. Она имела необыкновенный дар и к лепке, и к росписи, и к аппликации, и к прочему тонкому рукоделию. Коробка выглядела, как только сошедшая с конвейера кондитерской фабрики. Только в одном Светлана переусердствовала. Голубую ленточку, которой была перевязана коробка, она украсила шикарным декоративным бантиком. На лицевой стороне, на месте узелка, сестра пустила ленточку по кругу многочисленными петлями, так что со стороны казалось, будто сверху коробки расцвела бесподобная голубенькая хризантема. Цветок получился необычайно красивым и выглядел, словно живой или только-только сорванным с клумбы. Но коробку, которую мичман держал в руках, явно ещё не вскрывали. И как же тогда Маркушкин узнал, что в ней спрятаны деньги? Но лучшая защита – это нападение. И я решительно наехал на нахального прощелыгу:

– И Вам не стыдно, товарищ мичман, рыться в чужих вещах?

Маркушкин просто позеленел от такой наглости:

– Это моя святая обязанность заботиться о безопасности нашего корабля! А вдруг, Вы диверсант и Вам прислали взрывчатку, чтоб потопить наш славный авианосец?! Как писал прославленный советский классик: "Враг не дремлет! В нём звериная злоба! Гляди в оба!"

А здесь внутри, как я ясно вижу, мина замедленного действия!

И мичман обличительно ткнул пальцем в коробку.

– Вишня в шоколаде и с ликёром! Вы что, алкоголик?! – по-ленински склонив голову на бок и прищуriv глазки, спросил гроза морей. – Я не потерплю скрытого пьянства на корабле! Пьяница – находка для шпиона!

– Вы же говорили, что болтун – находка для шпиона, – изумлённо возразил я.

– И пьяница тоже!!! – пришёл в неистовство морской волк. – В то время, когда партия и правительство, во главе с нашим президентом, по всей территории нашей необъятной Родины борется с ползучим алкоголизмом, Вы коварно наносите предательский удар в спину нашим беззаветным борцам за трезвый образ жизни.

– Да, Господь с Вами, товарищ мичман! – начал было оправдываться я.

– Что?! Поповское мракобесие на моём судне?! Не потерплю!!! – взревел в ярости полиловевший Маркушкин.

– Ой, простите. Я хотел сказать: "Ильич с Вами, товарищ мичман". К тому же, я и понятия не имел, что этот огромный

боевой корабль – Ваша личная собственность, – попытался я исправить мою оплошность.

– Только не надо р-р-разыгрывать из себя дешёвого клоуна из гастр-р-ролтр-р-рующего шапито! – прорычал взбешенный наставник молодых матросов.

– Тысячи извинений! Я ведь и не подозревал, что это почётное место в нашем цирке уже кем-то заслуженно занято, – продолжал лукавый с азартом дёргать меня за язык.

– Интересно! А Вы просто дурак или искусно им прикидываетесь? – недобро и подозрительно уставился на меня начальник.

Я понял, что немного перегнул палку и поспешно пошёл на попятную:

– Ну, что Вы! Да разве ли с нашим простецким матросским умом хитрить, прикидываться и притворяться?! Если бы я умел это делать, то, наверняка, уже имел бы чин ничуть не ниже Вашего. А на счёт скрытного пьянства, Вы глубоко, глубоко ошибаетесь. Я спиртные напитки и в рот не беру, и, вообще, эту мерзкую гадость с младенчества не употребляю.

– А почему от Вас-с-с, матрос-с-с, с-с-спиртным пахнет? – злорадно прошипел мичман, приняхиваясь к моему дыханию.

– Да это я был у наших электриков в щитовой! – невинно заклипал я глазками. – Они как раз силовые контакты на плановом техобслуживании промывали. Вот я, помимо воли, и пропитался запахом испарившегося спирта.

– После промывки контактов хорошенько закусывать надо и желательно зажёвывать мускатным орехом, – лицемерно посоветовал Маркушкин.

Нахмуренный мичман встал с табурета, подошел ко мне почти что впритык, да как заорёт визгливым поросычьим голосочком:

– Да я, вот таких беспринципных, проспиртованных выпивох, без рентгена даже через броню крейсера насквозь вижу!!!

– Ну, видите, так видите, – попытался я успокоить расхोдившегося неврастеника. – Но зачем же так истерически в мой пупок кричать? Он у меня ведь такой нервный и впечатлительный!

Маркушкин задрал свой скошенный подбородок вверх, встал на цыпочки и попытался заглянуть в мои бесхитростные светлые очи. Но разность в росте так и не позволила грозному начальнику испепелить меня своими пылающими от ярости глазами. Тогда он сделал несколько мелких шажков назад, презрительно смерил меня взглядом от самой макушки до пяточек и с ядовитым сарказмом излил свою жёлчь:

– Ах, да! Я чуть не позабыл, что в этом помещении находится один ненормальный, нестандартный, мутирующий выродок!

– Иван Федорович! – взволновано молвил я, исполненный чувством жалости и сострадания. – Я думаю, не стоит Вам

так горестно убиваться и заниматься ранящим душу самобичеванием! То, что сотворила с Вами Природа, увы, исправить Вам теперь уже не под силу. Примите себя таким, как Вы есть!

Маркушкин побагровел, затем полиловел, потом позеленел и, наконец, кожа его лица приобрела приятный мертвенно-землянистый оттенок. Он, как выброшенная на берег рыба, беззвучно шлепал губами, пытаясь выразить переполнявшие его неоднозначные эмоции.

Понадобилось не менее четверти часа, чтоб мой прямой начальник смог кое-как обрести дар связной речи.

– А чтоб Вас морской черт побрал! Убирайтесь отсюда! – болезненно прохрипел обычно чересчур громогласный командир. – А посылку я Вам всё равно не отдам. Сначала проконсультируюсь с соответствующими органами, а потом уже сообщу Вам о моём решении.

Но, по словам бывалых матросов, эти консультации могли длиться так долго, что срока моей воинской службы на это попросту б не хватило. Поэтому я и решил обратиться сразу же напрямик к капитану. А тот без каких-либо проволочек приказал мичману выдать мне незаслуженно арестованную им посылку.

Уже перед торжественным построением по случаю праздника я сидел в каюте и разбирал подарки моих родственников. Деньги из конфет я вытащил и думаю: коробка симпа-

тичная. Буду сюда письма от любимой супруги складывать. А хризантему наклею сверху на крышку, чтобы та напоминала мне о моей горячо обожаемой сестричке. Был у нас на корабле спецклей "Спрут 5М". Железо приклеишь – не оторвёшь. Не дай Бог эта липучка между пальцами попадёт! Скальпелем кожу резать придется! Обрезал я аккуратно ленточку и осторожно намазал клей снизу на хризантему.

А тут, неожиданно, Маркушкин без стука в двери нашего кубрика вваливает. Я нервно вскочил с койки и больно стукнулся головой об верхний ярус. Аж искры снопами из глаз посыпались!

– Сидите, сидите матрос! – милостиво разрешил мичман. – Я лишь на минутку, проверить, как личный состав готовится к построению.

Он присел рядышком со мной на койку, минуточку помолчал, а затем снисходительно произнёс:

– Ты уж не обижайся на меня, Степан. Ну, на счёт посылки. Сам понимаешь, служба у меня такая.

– Да я и не обижаюсь, товарищ мичман, – примирительно улыбнулся я и протянул ему раскрытую коробку с конфетами. – Угощайтесь дарами нашей Неньки Украины.

– Нет, нет! Я сладкого не ем. От него только полнеют, – заупрямился Маркушкин, хотя глазами так и пожирал аппетитную "Вишню в шоколаде".

– Если немножечко, то организму не повредит, – успокоил я мичмана.

– Ну, хорошо. Уговорил. Спасибо, товарищ! – обрадовался мой прямой начальник и запустил свою лапищу по самый локоть в коробку. Почти половина конфет исчезло в его загребущей клешне. И чавкая на ходу, как жадный поросёнок Нуф-Нуф, Маркушкин поспешно отправился на верхнюю палубу крейсера.

На торжественном построении, посвящённом Дню Военно-морского флота, адмирал сначала поздравил весь экипаж с праздником, а потом перешёл к вручению наград и знаков отличия особо отличившимся военным служащим. Нашему мичману тоже достался знак отличия за многолетнюю безупречную службу и успехи в боевой и политической подготовке. Услышав свою фамилию, Маркушкин бодро прокричал: "Я!", вышел из глубины строя и безупречным строевым шагом направился к адмиралу. По шеренгам пронёсся лёгкий смешок, переходящий в ехидное хихиканье. И тут я заметил, что к заднице мичмана, как банный лист, приклеилась моя искусственная хризантема! Да так симметрично и симпатично! Видно, я машинально положил её на кровать, а Маркушкин, не глядя, уселся на рукоделие моей любимой сестрички. А я ведь совершенно позабыл о голубеньком цветочке, расстроенный бесцеремонным грабежом моих проликатеренных сладостей. Мне очень хотелось угостить моих друзей, но, после дружеского визита начальника, конфет на всех ребят уже точно не хватило бы.

А мичман, получив из рук адмирала заслуженную награду, прокричал дежурное: "Служу Советскому Союзу!", развернулся и энергично затопал на своё место. Адмирал просто онемел и офонарел, увидев такой странный знак отличия на корме нашего бравого ветерана. Лишь когда мичман встал в строй, и наступила гробовая тишина, адмирал как-то ссутулился, опустил голову и горестно пожаловался:

– Похоже, перестройка, наконец-то, и до флота добралась. Видно, я пропустил какую-то директиву, разрешающую "голубым" проявлять свою сексуальную индивидуальность.

Адмирал долго пребывал в каком-то непонятном оцепенении, словно в подвешенном состоянии. И только, когда экипаж проходил торжественным маршем мимо командного состава, он снова увидел кокетливую голубую хризантему и, не выдержав, гаркнул во всю глотку:

– Да оборвите же эту гадость с кормы маленького извращенца!!!

Мичман Серов, шедший рядом с Маркушкиным, изящно изогнулся, сгрёб хризантему в кулак, и дёрнул её что было мочи вниз. А клей действительно оказался отменного качества! Очевидно, перед тем, как затвердеть, он пропитал не только ткань мичманских брюк, но также и мануфактуру исподнего белья. Полотно с треском разорвалась, и все доподлинно убедились, что якоря мичмана действительно красуются на положенном им мягком месте. Маркушкин дико взвыл то ли от боли, то ли от полнейшей неожиданности.

Ведь ему так никто и не сказал, что за странный балласт прилип к его героической заднице.

Потом мичман во всём обвинял меня и обещал припомнить мне эту наглую, идиотскую выходку. Я клялся, что абсолютно тут не причём, и, что произошло фатальное стечение непредвиденных обстоятельств. Однако Маркушкин в ответ лишь озлобленно предостерёг:

– Я тебе это, гадина, никогда не забуду! Теперь, даже если чайка случайно какнет на мою голову, за всё будешь отвечать лично ты!

Как-то наш авианосец ушёл в тропики-субтропики на плановые ученья. Ну, может и не в тропики, но солнце там палило нещадно. И Маркушкин заставил меня в самую жаробень в одиночку выдраить всю палубу нашего корабля от носа до кормы. А это почти три футбольных поля! Лишь к вечеру я закончил работу. (Потом у меня неделю облазила кожа с лица, шеи и со всех незакрытых одеждой участков тела!) Ну, и докладываю лично мичману, что почётное и ответственное задание Родины с честью выполнено. Тот прошёлся по палубе несколько раз и внимательно осмотрел каждую её пядь. Вроде бы и придраться не к чему. Но не такая его подленькая, злопамятная натура! Подошёл Маркушкин к швартовому кнехту и так ехидненько спрашивает:

– А под кнехтом палуба вымыта?

А ты можешь представить какой кнехт на авианосце? Во-

о-о-о! (И Степан, как заядлый рыбак, широко развёл руки).

– Никак нет!!! – молодцевато рявкнул я в ответ.

– А почему-у-у? – слащаво улыбаясь, интересуется мичман.

– По той причине, что кнехт намертво приварен к корпусу корабля, и сдвинуть его с места практически невозможно! – бодро докладываю я дотошному придире.

– Для советского матроса нет и не может быть ничего невозможного, – процедил сквозь зубы Маркушкин. – Сдвинуть кнехт на два метра в сторону, вымыть под ним палубу и об исполнении доложить!

А сам, так нехотя, отправился на камбуз на инспекционную дегустацию приближающегося ужина.

Конечно, через полчаса я мог бы доложить мичману, что его ответственное задание выполнено. И пусть попробует проверить! Но тут ярость обуяла меня. Ведь даже у толстокожего носорога терпение тоже может лопнуть. Сбегал я в машинное отделение и одолжил у ребят двухпудовую кувалду для особо точной настройки ходовой части крейсера. Плюнул я на ладони, ухватился двумя руками за рукоятку, да со всей моей дурной силы как трахну по кнехту сбоку!

Знаешь, Василий! Теперь я имею чёткое представление о том, как должен был по замыслу творцов звучать Царь-колокол. Мне показалось, что всё моё тело и внутренности завибрировали в резонанс этому звуку. Ощущение мерзопакостное! Но тут дело принципа. Размахиваюсь и бью во вто-

рой раз. Затем в третий. На четвёртом ударе ручка кувалды треснула. И я увидел, что на мостик, как ошпаренный, выскакивает капитан, а за ним и старпом вприпрыжку. На ходу штаны и кители натягивают. Глаза выпучены, фуражки набекрень!

– Боевая тревога!!! – взревел капитан. – Все по своим местам!!!

И тут увидел меня с молотом в руках. Глаза его ещё больше расширились от изумления. Спустился капитан с мостика в сопровождении старпома, подошёл ко мне и удивлённо спрашивает:

– Матрос Тягнибеда! Вас, что? Муха цеце укусила?

А от него коньячком так и прёт, так и прёт! Аккурат душок "Белого Аиста".

– Никак нет, товарищ капитан первого ранга! – браво отвечаю я. – Меня укусил морской волк, гроза морей, трижды участник кругосветных походов, кандидат в герои Советского Союза, гвардии мичман Иван Фёдорович Маркушкин!

И поясняю капитану поставленную передо мной задачу.

– Фу ты, дьявол! – облегчённо вздохнул капитан, вытирая рукавом вспотевший лоб. – А я уж грешным делом подумал, что четыре боевые торпеды попали в корпус моего корабля.

Он многозначительно переглянулся со старпомом, застегнул пуговицы на брюках, а затем на кители и поправил фуражку. Глаза его сузились, на лбу собрались суровые, резкие морщины:

– А позвать сюда Ляпкина-Тяпкина!

Мичман явился белым, как полотно, и вытянулся стрункой по стойке "смирно". Вроде даже как бы подросток сантиметров на пять.

А капитан грозно зашипел на него, как матёрая королевская кобра:

– Вы что, Маркушкин! Белены объелись! Мы только что со старпомом, разложив карты, обсуждали план наших боевых действий против "синих". И у нас как раз родилась блестящая стратегическая идея, которая могла обогатить и внести кардинальный перелом во всё современное военно-морское искусство! Но тут, по вашей милости, матрос Тягнибеда чуть было не расколол наш крейсер напополам! И гениальная стратегическая мысль была бесследно и безвозвратно утеряна! Слушай мою команду! (Мичман вытянулся ещё больше и прибавил к росту ещё почти что три сантиметра). Объявляю вам десять суток ареста с отбыванием на гарнизонной гауптвахте по возвращению на базу! И ваше счастье, что адмирал сейчас не на флагманском корабле, а инспектирует ракетные катера. А то бы вы так легко от заслуженного наказания не отделались. Кру-у-у-гом!!! Ша-а-гом марш-ш-ш-ш!!!

И Маркушкин строевым шагом отправился на камбуз сгонять зло на ни в чём не повинном дежурном по кухне.

– А вы, матрос, – обратился ко мне капитан, – Отправляйтесь в медпункт! Похоже, вы здорово обгорели на солнце.

Он взял под локоть старпома и повёл его в сторону рубки. Я прислушался и уловил приглушённый капитанский голос: – Так на чём же нас так бесцеремонно прервали? Ах, да! И вы представляете, эта сволочь, этот КГБистский полковник при таком раскладе пасовал, имея на руках три туза!

– Ну и как? Отсидел твой мичман положенные десять суток? – давя зевок, поинтересовался я.

– Не-а! – отрицательно мотнул головой рассказчик. – Ночью в океане разыгрался жесточайший ураган. Не то из-за качки мичман вывалился за борт, не то его волной смыло, но Маркушкина на крейсере больше никто и никогда не видел.

– Да брось ты, Стёпа! – недоверчиво покосился я на друга. – Я видел авианосец на ходовых испытаниях в Днепро-Бугском лимане. Я даже не могу себе представить такую волну, чтоб кого-то могло смыть с палубы такой громадины.

– Да я и сам, по правде говоря, сомневаюсь в этом, – безропотно согласился со мной Степан. – Это была официальная версия. Скорее всего, нашлись у Маркушкина искренне любящие его «доброжелатели». Ведь не только мне одному он удосужился перейти дорогу и преднамеренно наступить на хвост. А может восторженные почитатели его песенного таланта убоялись, что не переживут его очередной воскресный бенефис и предприняли превентивные меры. Хотя ходили упорные слухи, что мичману приелись незаслуженные нападки сослуживцев и он по собственной воле дезертиро-

вал с корабля. Ведь в ту же самую бурную ночь с авианосца, по невыясненной причине, бесследно исчез один из спасательных плотов.

А мичман Серов, с трепетом глядя в небеса, высказал и вовсе сверхъестественную версию:

– Уж слишком Иван Фёдорович был прямым, неподкупным и правильным человеком. Не удивлюсь, если Всевышний забрал Маркушкина в райские кущи, даже не глядя на его воинствующее атеистическое воззрение. Той ночью я видел, как с кормы крейсера в небо вознёсся сияющий мужской силуэт и, пройдя через плотные грозовые тучи, оставил за собой мерцающий радужный шлейф.

Сгинувшего мичмана не сразу кинулись искать. Пропажу плота обнаружили гораздо раньше, чем исчезновение этого въедливого зануды. Всем было так хорошо без Маркушкина, что никто не хотел замечать его непредвиденного отсутствия. Хватились лишь практически через сутки. Но тщательнейшие поиски будто канувшего в воду мичмана так ни к какому результату и не привели.

– И ты больше ничего не слышал о вашем морском волке? – апатично поинтересовался я скорее из приличия, чем из любопытства.

– Кое-какие сведения мне случайно удалось узнать о судьбе бравого мичмана через семь с лишком лет, – лукаво ухмыльнулся Степан. – Но это уже совершенно другая история.

Я сонно кивнул, продолжая плестись рядом с моим мо-

гучим другом. Ах, если бы я тогда знал, какое умопомрачительное продолжение было у этой дивной истории, то непременно вытряс бы тогда из Степана её невероятное окончание.

А может это действительно абсолютно иное повествование?

Минут десять мы, молча, брели по широкой хорошо освещённой улице, размышляя о тех немислимых событиях, которые иногда выпадают на долю человеческую. Похоже, Степан, как магнит, притягивал к себе всевозможные напасти, приключения и происшествия. И я начал подозревать, что это у него наследственное. Но выяснения этого загадочного феномена я решил отложить на будущее. Безумно хотелось спать, и я мечтал, как можно быстрее добраться до какого-нибудь пенсау, чтоб там преклонить голову к мягкой и теплой подушке.

Двое уставших продрогших странника устало брели в Рождественскую ночь по незнакомому городу, даже не подозревая, какие невообразимые приключения их ждут впереди.

– Вот тебе и на! – обидится строгий, взыскательный читатель. – Автор пообещал нам повесть о австралийском магнате, а рассказал о каких-то двух несчастных странниках и мичмане, страдающем манией величия! Иван Андреевич Крылов непременно бы насмешливо поинтересовался: «А

мораль сей завороченной басни какова?»

Придётся автору этих строк признаться, что первые главы этого произведения являются лишь предисловием к головоломной повести, рассказанной его товарищем по трудовой иммиграции. И нам ещё надобно вернуться на двадцать лет назад в Тернополь, чтобы найти стежку-дорожку в логово таинственного австралийского магната.

А пока прошу Вас посочувствовать двоим украинским гастарбайтерам, заплутавшим в чужом городе в католическую Рождественскую ночь накануне 2002-го года.

Мы были до крайнего предела вымотаны непрерывным двухсуточным бодрствованием, включившему в себя и суматошливую Рождественскую ночь. В добавок ко всему, за прошедшие 24 часа на нашу долю выпала целая вереница непредвиденных неприятностей, передряг и злключений.

На завтрак нас чуть было не пырнул ножичком нищий бродяга, решив, что мы позарились на его законное подаяние. Нас едва-едва не «загребла» полиция за досадное недоразумение в пиццерии «Селеште». В густом тумане мы заблудились в незнакомом нам городе и опоздали на последний автобус на Гимараеш. Мой спутник каким-то чудом не свернул себе шею, упав в тумане в плохо огороженную траншею. Дважды мы чуть не были сбиты автомобилями изрядно выпивших на Рождество водителей. А наши кровно заработанные денежки попыталась отобрать шестёрка уличных грабителей. В нас едва не выстрелил из двустволки оду-

ревший от ревности нервный гражданин. В конце концов, по нам шесть раз подряд палил из револьвера выживший из ума полковник. В довершение всех наших бед, мы были неожиданно атакованы рассвирепевшим ирландским догом. И только каким-то непостижимым образом я и мой приятель избежали фатального обширного инфаркта. Ну, что же ещё я позабыл приписать к реестру постигших нас скорбных событий?

И только благодаря неистощимой энергии, оптимизму и находчивости моего могучего сотоварища, мне удалось пережить все мытарства той Рождественской ночи. Степан всё время потчевал меня замысловатым историями из своей безумной биографии, которые и не давали мне упасть духом. Одним из эпизодов его жизнеописания и было повествование о неуживчивом и заносчивом морском волке. Но постепенно все рассказы моего друга, как пазлы головоломки, сложились в сагу о сером кардинале или австралийском магнате.

3. Артём и Артемида.

Нашему жуткому разочарованию и внутреннему опустошению не было ни меры, ни предела. Напрягая последние силы мы, наконец-то, сумели достичь такого желанного нам отеля. Степан издали приметил старомодную вывеску с фосфоресцирующей надписью «Resedencial» и мы искренне надеялись, что все наши скитания и невзгоды остались уже далеко-далеко позади. Но, подойдя поближе, мы с ужасом

обнаружили, что не одно окно в этом ветхом строении не излучает даже кванта видимой световой энергии. Высокие узкие окна были закрыты тяжелыми деревянными ставнями, а оконные проемы массивной входной двери зияли чернильной, непроглядной темнотой. К одному из стекол дверного окошечка, с внутренней стороны, был приклеен листочек бумаги с написанным от руки предупреждением «Liquidação».

– Да-а-а! – устало вздохнул мой товарищ по несчастью. – Что-то нам с тобой катастрофически не везёт этой долгожданной Рождественской ночью. Как мы с тобой не упорствовали в наших поисках, но пристойная дешевая гостиница нам так и не подвернулась.

– А эта гостиница, без сомнения, когда-то была чрезвычайно дешёвая, – вяло съязвил я, стараясь не терять присутствия духа. – Взгляни только на эти две облезших звездочки, пришипленных у входа на стенке. И судя по внешнему виду, это прибежище для иммигрантов находится не просто в аварийном состоянии, а фактически пребывает на грани полного обрушения. Не удивительно, что его и прикрыли во избежание предполагаемых массовых жертв.

– Да не канючь ты, Василий! – с укором покачал головой мой дородный поводырь. – Как говорят, на безрыбье и рак – рыба! Два года назад в Лиссабоне мы ночевали куда в более ветхом пенсау!

– Между прочим, вот такого живого «рака» ещё и найти где-то надо, – безвольно промямлил я и неожиданно встре-

пенулся: – Ой, Стёпа! Гляди! Вон там, слева, над крышей двухэтажного здания протянулась идеально прямая цепочка огней! Даю руку на отсечение, что это мост Arrabida! И точно! Смотри! Какой-то автобус по нему пересекает ложе реки Доуру! Так что если мы пойдем влево, то непременно попадем в центр города, где без труда найдем пристойную дешёвую гостиницу!

– Да на кой черт мне сдалась твоя жилистая костлявая рука! – эмоционально отреагировал на мою реплику Степан. – Из неё хорошего наваристого бульона и того сварганить навряд ли удастся! Проанализировав все детали пройденного нами маршрута, мой внутренний навигатор безошибочно определил, что это мост Freixo. А значит, чтоб попасть на Praça da Liberdade, нам нужно свернуть направо и пройти вдоль реки чуть более полутора километров. И не спорь со мной! Тот, кто служил во флоте, на суше вовек не заблудится!

– Да где же мне взять силы, чтобы спорить с таким упрямым ослом как ты! Я ведь даже не в состоянии передвигать мои опухшие от усталости ноги, – чуть не заплакал я от осознания моей полной беспомощности.

К моему величайшему удивлению великан не вспыхнул, а спокойно подошел вплотную, положил на мои плечи свои могучие ручища и проникновенно пророкотал:

– Не раскисай, Василий! Мужики мы, или не мужики. В наших телах накоплены огромные, неисчерпаемые резервы

психической и физической энергии. Нужно только научиться вскрывать их и использовать для разрешения наших актуальных, насущных проблем. Ты ведь сам мне говорил: движение – жизнь, покой – смерть!

Я потрясенно взглянул на моего могучего, но простодушного друга. Мне померещилось, что эти слова сказал вовсе не он, а какой-то совершенно другой человек.

В какой-то момент мне почудилось, что два обильных потока приятной, теплой энергии хлынули через ладони Степана в моё опустошённое, оцепеневшее тело. Казалось, это неодолимое, жизненное тепло вытеснило из моей груди леденящий холод и тихо наполнило силой и мощью каждую клеточку моего переутомленного организма. Я невольно выпрямился, поднял голову и легко расправил мои поникшие плечи.

– Идем, дружище, – мягко проговорил мой попутчик. – Ещё немного и мы сможем расслабиться в мягких и уютных постелях.

– Идем, Стёпа, – дружелюбно улыбнулся я в ответ. – Это все-таки лучше, чем мерзнуть у порога какого-то старого заброшенного пенсау.

Мы свернули направо и направились по улице, которая, по мнению Степана, была параллельна руслу реки Доуру. Какое-то время мы бодро шагали по тротуару, но вскоре довольно-таки щекотливый вопрос стал тревожить моё неожиданно разыгравшееся воображение.

– Степа! Так это действительно правда, что твоя бывшая теща живет в гражданском браке с мужчиной, который на много её моложе? – напомнил я другу рассказанную им недавно историю. – Но ведь это же не реально!

– Живет! Ещё и как живет! – лукаво усмехнулся гигант. – Ещё восемь лет назад, за рождественским застольем, мой молодой тесть, охмелев от каховского коньяка, заявил, что в жизни не встречал такой горячей, пылкой и любвеобильной женщины. И его абсолютно не волнует разница в 17 лет между ним и его страстной возлюбленной. А ты говорил мне о каком-то мифическом Эдиповом комплексе!!! Как говорил великий русский поэт Пётр Чайковский в опере «Евгений Онегин»:

«Любви все возрасты покорны,
Она влияет благотворно,
Паду ли я стрелой пронзённый,
Иль мимо пролетит она!» – тягучим басом вдохновенно пропел Степан.

Однако что-то в моём кислом выражении лица ему явно не понравилось.

– Что? – с тревожной озабоченностью спросил гигант. – Не из той оперы?

– Нет-нет! – успокоил я «знатока» классической оперы и балета. – Опера то та, но вот акты – совершенно разные. И вообще-то, это слова Александра Сергеевича Пушкина, а Пётр Ильич Чайковский очень талантливо положил их на

музыку.

– Я не могу тебе сказать точно, какие там между Пушкиным и Чайковским были акты, и что именно, и на что сверху положил Пётр Ильич. Я, к счастью, при этом не присутствовал и лично с этими гражданами знаком не был. Но звучат эти строки весьма актуально и современно, – процедил сквозь зубы задетый за живое Степан.

Минут пять мы лениво брели по неровным булыжникам кривой улочки то круто поднимающейся вверх, то резко спускающейся вниз.

– Конечно, я не ахти какой знаток музыки, тем более позапрошлого века, – вдруг нарушил ночную тишину уже более спокойный голос моего попутчика. – Но вот если б ты пообщался с Артёмом, двоюродным братом моей бывшей жены, то он мигом заткнул бы тебя за пояс в любом самом изысканном музыкальном споре! Уж кто-кто, а Артём до мельчайших подробностей знал абсолютно всё и о современной музыке, и о музыке давно прошедших веков!

– Да я как раз и не претендую на лавры знатока в области музыкального искусства, – постарался оправдаться я. – А почему Артём знал? Он что, уже предстал перед Всевышним?

– Ну, не то чтобы совсем умер, – двусмысленно подмигнул мне Степан. – Но безвозвратно сгинул и невероятным образом заново возродился совершенно в иной ипостаси!

– Расскажи, Стёпа! – жалостливо попросил я, буквально сгорая от жгучего любопытства.

– Но это очень длинная история, – досадливо сморщился мой могучий друг. – Хотя, собственно говоря, у нас с тобой до рассвета ещё целая куча времени. Ладно, слушай! У моей бывшей тёщи была старшая сестра, Ирина Макаровна. В отличие от своей глупой младшей сестрички, тётя Ира всегда тянулась к знаниям и довольно хорошо училась в средней школе. Затем она закончила в Херсоне технологический институт и вместе со своим мужем, с которым обучалась на одном курсе, попала по распределению на Тернопольский хлопчатобумажный комбинат. Вскоре у счастливой пары молодых специалистов родился ребёнок, и им выдали ордер на отдельную двухкомнатную квартиру в новенькой многоэтажке. Так что когда мы с Любашей поженились, то моей законной половине было не очень сложно привыкнуть к жизни в совершенно незнакомом ей городе. Всё-таки совсем рядышком проживала её родная тётя Ира со своим очень добрым и отзывчивым супругом дядей Колей.

У сына тёти Иры, Артёма, с детства проявились необыкновенные музыкальные дарования. Когда мальчику исполнилось три года, ему на день рождения подарили маленькое игрушечное пианино. И малыш, неожиданно для родителей, начал наигрывать на нём пусть и простенькие, но достаточно-таки осмысленные мелодии. Его показали учителям музыки и те признали у ребёнка проблески неординарных способностей. И чудо-мальчик вскоре стал самым молодым учеником в местной музыкальной школе по классу фортепиа-

но. Но восторженные родители никак не могли определить-ся, с каким именно инструментом их чадо должно покорить весьма взыскательный музыкальный мир. То Артём учился играть на фортепьяно, то на аккордеоне, то на мандолине, то на скрипке, то на виолончели. А чаще всего посещал занятия по игре на всех этих инструментах, только в разное время по тщательно разработанному «предками» расписанию. И самое удивительное, что по всем «фронтам» он умудрялся достигать значительных, я бы даже сказал, феноменальных успехов. Гениальный ребёнок не мог не нарадоваться своими достижениями умилённых родителей и восторженных преподавателей.

Но мальчик был настолько перегружен занятиями, что практически лишился нормального безоблачного детства. Он с тайной завистью поглядывал на сверстников, лазающих по заборам, играющих в чехарду и гоняющих мяч на спортивной площадке во дворе его дома. Родители же с завидным постоянством таскали его на камерные концерты всех заезжих музыкантов, а по выходным возили в Киев на выступления гастролирующих заморских и отечественных знаменитостей. По вечерам перед сном, вместо сказок, мама и папа читали своему вундеркинду жизнеописание великих музыкантов и композиторов.

Но когда Артёму исполнилось четырнадцать лет, он вдруг решительно заявил своим витающим в облаках «предкам»:
– Хватит! Наигрался! Осточертело!

Он начал курить, выпивать, пропускать занятия и взял в руки обыкновенную шестиструнную гитару. В компании разношерстной толпы малолеток несостоявшийся гений принялся распевать в подворотне песни из репертуара «Queen», неумело подражая своему возлюбленному кумиру Фредди Меркьюри. Артём стал возвращаться домой очень поздно: то с разбитой губой, то с шишкой на лбу, а то и с основательным "фонарём" под заплывшим глазиком. Причём сам затевал ссоры и драки, а потом участвовал в них в незавидной роли пассивного статиста. Словно ему нравилось, чтоб к его интеллигентной физиономии «приложили» сильную и тяжелую мужскую рученьку.

– Господи! Он что, мазохист? – искренне ужаснулся я.

– Кто-о-о?! – удивлённо вытаращился на меня гигант и, вдруг, его голубые глаза озарились светом понимания. – А-а-а! Ну, да! Всегда был не против, чтобы добрые люди хорошенько «вмазали» ему по мордочке. Короче, из тихого, послушного мальчика Артём неожиданно превратился в строптивого, неуправляемого и взбалмошного подростка. Попытки же родителей вернуть сына на путь истинный моральными и физическими методами внушения, увы, потерпели полную фетяску.

– Полное фиаско, – вмешался я в повествование друга. – Фетяска – это сорт винограда и вина.

Степан испепеляюще посмотрел в мою сторону, но сдержался и продолжил своё повествование:

– И не то чтоб Артём стремительно покатился по наклонной плоскости вниз, а скорее круто изменил вектор своей удивительной и непредсказуемой жизни. Алкоголем и табаком он сильно не злоупотреблял, «травкой» и «колёсами» почти что не баловался. С удовольствием сколачивал вокально-инструментальные группы из таких же подростков, как и он сам. Однако эти музыкальные коллективы по какой-то неведомой науке причине чрезвычайно быстро разваливались. Среди молодёжи Артём слыл непревзойдённым знатоком всех направлений и ответвлений современной музыки. Он постоянно был в курсе всех музыкальных новинок, скандальных происшествий и интимных подробностей из жизни прославленных поп и рок-звезд. Вскоре его единодушно признали лучшим диск жукеем на дискотеках родного города.

– Ты хотел сказать: «диск жокеем», – снова не выдержал я кощунственного извращения русского языка.

– Нет! Именно диск жукеем! – категорично отверг мою неуместную поправку принципиальный биограф. – Ох, и жу-чарой же был этот мой скользкий и изворотливый родственничек Артём! Без мыла, шампуня и интимного крема в любую скважину или щель влезет! До сих пор не пойму, как такой тихий, спокойный и застенчивый мальчик в одночасье преобразился в развязанного и нахального прохиндея! Из смиренного, немногословного молчуна превратился в бойкого и болтливого говоруна, который мог захлёб трещать

по 24 часа в сутки. Язык у него обратился в подобие помела и крутился будто пропеллер флюгера в бурную, штормовую погоду. Его постоянно приглашали тоймандою на все богатые и многолюдные тернопольские свадьбы.

– Ты хотел сказать – тамадою? – попытался я облагородить речь моего друга.

– Вот именно! Мандой он был ещё той! – не очень прислушиваясь к моим словам, кивнул Степан. – Переспорить Артёма было совершенно невозможно, даже в тех вопросах, в которых он абсолютно ничего не смыслил. Он мог всунуть свой наглый пятак в любую дискуссию, даже совершенно незнакомых ему людей, и спорить до хрипоты и писка, или почти до полной потери голоса. Бывало в течение полемики Тёма три-четыре раза менял свою точку зрения на диаметрально противоположную. Да так искусно, что в пылу спора никто этого даже не замечал. Зато в финале, когда дебаты завершались и спорящие, наконец, приходили к Горбачёвскому консенсусу, он гордо и самодовольно провозглашал:

– Вот видите! Я же это вам с самого начала говорил!

К тому времени спорщики от усталости и возникшей головной боли уже напрочь забывали с чего, собственно говоря, начинались их страстные дебаты. И все сходились во мнении, что Артём настоящий интеллеktуал и блестящий эксперт в любом архисложном вопросе.

Когда же Артём вырос и возмужал, то у него прояви-

лось невероятное дарование втираться в доверие даже к самым подозрительным криминальным авторитетам, а также к представителям партии власть держащей. Он был вхож в дом мэра, представителя президента, депутатов от правящей и оппозиционной партии, и все почему-то считали его своим человеком. Умел он мягко, по-дружески покритиковать высокопоставленных чиновников, да так, что критика скорей походила на утонченную, изошрённую лесть. Если б Артём избрал себе политическую карьеру, то наверняка пошёл бы очень и очень далеко. Я думаю, что Верховная Рада утратила в его лице великого спикера и законотворца. Вот уж кого, действительно, никакими силами от микрофона и за уши не оттянешь!

Но мне кажется, что два роковых недостатка не дали состояться его триумфальному взлёту к вершинам власти.

– И какие же это такие страшные недостатки не пустили Артёма на просторы большой политики? – заинтригованно поинтересовался я. – Совесть и бедность?

– Нет-нет! С совестью у него как раз всё было в порядке! Он безжалостно ампутировал её ещё в ранней юности, – отмёл мои глупые предположения Степан. – Деньги он тоже умел делать, правда, не в таком количестве, чтоб удовлетворить свои постоянно возрастающие насущные потребности. А недостатки у него были вполне серьёзные. Во-первых, у Артёма был тоненький писклявый голосочек. Для диск жокеев или тойманды это ещё кое-как сходило, но с трибуны

слуги народа такая «свистулька» звучала бы смешно и нелепо.

– А во-вторых? – нетерпеливо поторопил я рассказчика.

Степан с опаской оглянулся, как будто кто-то ненароком мог подслушать нас на этой тихой и пустынной улочке Порто. Затем таинственно подмигнул мне и шепотом произнёс:

– А во-вторых, Артём – транс-свистит.

– Не понял. Через что и как он свистит? – неопишимо изумился я. (Прим. «Транс» на латыни – «через, за»).

– Да не через что свистит, а транс-свистит! – раздражённо постучал пальцем по виску мой друг, дивясь моей беспробудной тупости. – Дошло, наконец?!

– Это как? – озадаченно переспросил я. – Он что, свистит, когда находится в трансе? Или наоборот – впадает в транс, когда начинает свистеть? Да я вижу, что у тебя не родственник, а какой-то Соловей-разбойник!

– Ну, какой же ты все-таки непонятливый, Василий! – с досадой всплеснул руками Степан. – Точно, как моя чувственная, но на удивление недалёкая бывшая тёща! Да есть теперь такая модная болезнь! Ещё моднее, чем СПИД или педофилия. Это когда баба или мужик считают, что Бог по ошибке всунул им между ног вовсе не то, чего они от этой жизни заслуживают. Наконец, допендрил?

– А-а-а! – неожиданно прояснилось мое сознание. – Ты очень тонко намекаешь, что твой Артём – трансвестит?!

– Ну, ясно же, что не трансформатор! – облегчённо вздох-

нул гигант и, вдруг, густо покраснев, понизил голос: – И не ори ты так на всю улицу. А то вся Португалия узнает, какой у меня уникальный и эксцентричный родственничек.

– Да ведь лично тебя это абсолютно не касается, – удивлённо пожал я плечами. – Да и кто нас здесь услышит?

– Вполне возможно, что каким-то образом и касается. А даже у каменных стен и фонарных столбов есть не только глаза, но и уши, – с видом тайного заговорщика предупредил Степан.

Я тревожно оглянулся. На полутёмной улочке на первый взгляд было совершенно тихо и безлюдно. И только на противоположной стороне проезжей части у фонарного столба примостился маленький пёсик и, грациозно задрав ножку, усердно орошал чугунное основание слегка покосившегося уличного светоча. Склонив свою острую мордочку к самой брусчатке, дворняга с нескрываемым подозрением вылупила на нас свои мерцающие в ночи глазки. Очевидно, она очень опасалась, что мы можем злонамеренно помешать ей метить её законную жизненную территорию.

– Ты думаешь, нас подслушивают? – испуганно прошептал я. – Но ведь это только маленькая собачка, которая просто пришла сюда пописать.

– Маленькая-маленькая, а лужу напудила, как московская сторожевая! – подозрительно нахмурился Степан. – Бережённому Бог бережёт!

И он, придерживая меня за локоть, увлёк за собой вдоль

тротуара по петляющей то вправо, то влево улочке. Мне вновь начало казаться, что мы совсем недавно проходили мимо сияющей витрины именно вот этого небольшого скобяного магазинчика. Но гигант быстро тащил меня за собой, увлечённо нашептывая на ходу свою необыкновенную жизненную историю:

– А бывало, на семейных празднествах, налившись бананового ликёра до полной потери самоконтроля, Артём нежно прижимался к моему плечу и жалобно постанывал:

– Ах, Стёпушка, Стёпушка! И за что же меня Бог так обидел? Будь я женщиной, то смогла бы тебя осчастливить на всю жизнь моей преданной и пылкой любовью.

– Боже упаси! – ужасался я, с опаской оглядываясь, не видит ли кто-нибудь этих телячьих нежностей маленького извращенца. – Меня и так уже твоя кухня осчастливила почти до полной и безоговорочной невозможности!

– Глупая она, глупая! – томно хныкал Артём. – Ведь она даже не осознает, какое это безумное счастье отдаваться такому красивому, видимому и статному мужчине.

И лез ко мне целоваться. Нельзя сказать, что Любашин кузен был полной уродиной. Скорей, какой-то смешной и нелепый на вид. Высокий лоб, огромные тёмно-карие очи, но пухлые алые губки и не по-мужицки маленький аккуратненький подбородочек. Волосы густые, чёрные, вьющиеся крупными локонами. Шея длинная, тонкая, так что при ходьбе голова его как-то смешно мотылялась со стороны в

сторону. Вернее, подбородок уморительно покачивался туда-сюда при каждом его шаге, как блуждающий маятник старомодных ходиков. Плечи у Артёма были узкие, покатые, а бёдра широкие, но крепкие и налитые. Да и ростом он не вышел, а был всего лишь немного выше моей бывшей супруги. Похоже, что Природа действительно задумывала его, как женщину, но в последний момент почему-то передумала.

Когда он пьяненький лез ко мне целоваться, то я сторал со стыда и не знал, куда мне от этого ужасающего срама податься.

– Артём! Ты что? Опомнись! – пытался я осадить зарвавшегося губошлёпа, а он закатывал глазки, выпучивал губки бантиком и ласково шептал мне на ушко:

– Не зови меня Артёмом, а зови меня Артемидой.
Тоже мне Артемида Эфесская нашлась!

4. Слава Стратостата.

– Ты знаешь об Артемиде Эфесской? – поражённо воскликнул я.

– Вообще-то, я с ней лично знаком не был. Но у меня есть старый дружанин, Володя Дьячук, – хронический террорист-бабник. Вот он как-то и попытался затащить её к себе в постель. Потом, бедняга, долго-долго залечивал переломы челюсти и правого предплечья, разрыв связок левой стопы, а также многочисленные ссадины и ушибы. А ты что, тоже имел счастье встречаться с этой дамой? – вопросительно

взглянул на меня Степан.

– Помилуй, Господи! Неужели я так плохо выгляжу? – растерянно спросил я. Но что-то необычное во взгляде гиганта мне не понравилось. Где-то в глубине его серо-голубых глаз искрилась скрытая, затаённая ирония. Мне уже давно начало казаться, что он попросту разыгрывает меня, представляясь таким твёрдолобым невеждой, беспросыпным неучем и тупицей.

– Слушай, дружок! А ты мне, случайно, не вешаешь на уши первосортную японскую лапшу быстрого приготовления?

Степан изумлённо взглянул на меня невинными, широко раскрытыми детскими глазами, затем часто-часто захлопал своими белёсыми ресницами. Но, вдруг, не сдержавшись, от всей души расхохотался и весело пробасил:

– Ну, неужели ты думаешь, что я такой дремучий пень из лесной глухомани, что ничего не слышал об этой подлой и коварной мерзавке? Я, конечно, не очень любил историю, но отлично помню, как не то в четвёртом, не то в пятом классе Аристарх Поликратович поведал нам о семи общепризнанных чудесах света. Так вот, довожу до твоего сведения, что во времена Царя Гороха в Греции премьер-министром был гражданин Олимпии Зевс Кронович. А так как и в те времена, как и сейчас в Украине, во власти процветало кумовство и сватовство, то на должность министра экологии и лесного хозяйства Зевс назначил свою внебрачную дочь Артемиду.

Работёнка не пыльная и прибыльная. Торговля лицензиями на отстрел редких диких животных и вырубку заповедных лесов приносила ей довольно-таки солидные доходы. Хотя, по моему личному мнению, Артемида – озлобленная, надменная и фригидная бабёнка – была самой настоящей кровожадной мафиози в юбке. Со своим братцем-подельником Аполлоном, который числился министром культуры, она перестреляла четырнадцать ни в чём не повинных детей царицы Ниобы лишь за то, что та сдуру брякнула, что её чада прекрасней внебрачных выродков Зевса. Поэтому бандитствующую парочку близнецов в Греции боялись, почитали, но не очень-то и любили.

Но как-то в турецком городе Эфесе, где в основном проживали греческие иммигранты, на очередных выборах в мэры один из кандидатов пообещал превратить этот захолустный городишко в процветающий туристический центр региона. Став мэром, этот парень угрохал все деньги городского бюджета на строительство храма-музея зловредной и коварной Артемиде. В то время было модно строить храмы-музеи ещё живым, то есть не отошедшим в мир иной, министрам и религиозным деятелям.

– Но почему именно Артемиде? – дружно возмутились горожане.

– Да потому, что по всей Греции другим министрам музеев, как нужников настроили, а Артемиде – ни одного! – объяснил новоиспеченный мэр.

С размахом была проведена энергичная и агрессивная рекламная компания. И народ со всей ойкумены хлынул в Эфес, чтобы поглазеть, что же там воздвигли, настрогали, намалевали и наваяли местные умельцы, да ещё в честь и такой скверной и сволочной бабы.

– Ойкумены? – немало удивился я от того, что гигант знает такое заковыристое иностранное слово. (Прим. Ойкумена – земля, населённая людьми. др. греч.).

– Это земли, где жили мужики, которые были в состоянии ойкнуть, увидев что-нибудь изумительное и прекрасное, – весьма своеобразно пояснил Степан значение этого древнего слова. – Туристами в те времена в основном были мужчины, а бабы с детьми безвылазно сидели дома на хозяйстве. Так вот! Труды местных зодчих не пропали даром. Огромные толпы паломников, туристов и зевак наводнили улицы захолустного города. Гостиницы, рестораны, кафе и бары Эфеса были забиты состоятельными гостями со всех концов света. На городских песчаных пляжах яблоку негде было упасть. Деньги как из рога изобилия потекли в кошельки горожан и в опустошённую расходами городскую казну. Эфес начал процветать и стремительно богатеть буквально из года в год и из месяца в месяц. Вскоре из общепризнанного всегрече-ского туристического справочника «Семь чудес света» была вычеркнута вконец развалившаяся Вавилонская башня и туда торжественно внесли храм-музей Артемиды Эфесской.

И всё бы было замечательно, но... Жил в Эфесе такой

себе sereneкий, невзрачный, но завистливый гражданин по имени Стратостат. Ни умом, ни успехами в бизнесе, ни другими своеобразными талантами он особо не отличился. Учиться не желал, но уж очень хотел прославиться, да так, чтобы имя его гремело по всему миру и упоминалось во всех грядущих веках. И вознамерился этот душевнобольной честолюбец достичь своей страстно желаемой цели любой ценой! Взял этот идиот спички, пробрался ночью в храм и поджёг приносящую несметный доход городскую святыню. Пироман несчастный! И сгорел храм дотла, со всеми своими виртуозными потрохами. То есть, я хотел сказать, со всеми своими изумительными шедеврами искусства. А там бы их точно на два с избытком Лувра набралось!

Но не такие были ребята в Эфесе, чтобы впасть в отчаяние и опустить от безысходности свои мозолистые руки. Они засучили рукава, заново отстроили прославленный храм и сделали его ещё более прекрасным и величественным. Поговаривали, что сама министерша раскошелилась и пожертвовала на это часть своих личных доходов.

А имя Стратостата постановили не упоминать ни в одном путеводителе, ни в одном справочнике, ни в одном учебнике истории. Но имя ужасного злодея и честолюбца, несмотря на запреты и цензуру, пережило все последующие века и тысячелетия. С тех самых пор выражение «Стратостатова слава» стало крылатым. Это слава, добытая страшным злодеянием или бесчеловечным преступлением. Что, Василий?

В первый раз слышишь эту историю?

– Нет, во второй, – поспешил успокоить я друга. – Только мне почему-то кажется, что того серенького завистливо-го грека звали Герострат, а позорная слава называется геростратовой.

– Да? Надо же! – стыдливо отводя глаза, пролепетал гигант. – Наверно, я историю с физической географией перепутал. Быть может потому, что, когда горел храм, то густой дым поднимался вверх почти до самой стратосферы. Мой учитель, Аристарх Поликратович, говорил, что у меня хорошо развитая асиси... асиси.... Нет! Асиси.... Тьфу, ты, дьявол! Я хотел сказать, ассоциативная память! Но в последнее время эта капризная девка начала давать непредсказуемые сбои и зачастую изменяет мне. Из-за неё, паскуды, я постоянно попадаю в нелепые, а иногда даже в весьма неприятные ситуации.

– А ты выяви того коварного гражданина, с которым она тебе изменяет, и хорошенько «начисть» ему рыло! Чтоб другим неповадно было! – по-дружески посоветовал я великану. – А если серьезно, то память необходимо постоянно тренировать, как хорошую породистую скаковую кобылу! Иначе она застоится, изнежится, раздобрееет и со временем превратится в дряхлую, разбитую клячу. Что не тренируется – атрофируется!

– В каком смысле «тренировать»?! – вытянулось лицо рассеянного с улицы Бассейной.

– Во всех смыслах! – жестко отрезал я. – Даже в том, который ты сейчас так ярко ассоциативно себе представил.

Мой пристыженный товарищ потупил свои ясные очи, тяжело вздохнул и уныло проронил:

– Пожалуй ты прав. Я слишком долго плыл по жизненному течению, а оно потихоньку, как-то совершенно незаметно, занесло меня в смрадное и застойное болото.

– Ладно, – милостиво простил я друга. – Хорошо ещё, что ты того бедного грека Дирижаблем не обозвал. Но давай спустимся с заоблачных высот на грешную землю. А что жестряслось с земной Артемидой?

– Это с Артёмом, что ли? – уточнил Степан. – А этот прохвост, вращаясь в высших элитных кругах областного центра, сумел убедить мэра, депутатов и крупных бизнесменов, что для процветания города жизненно необходимо строительство нового спортивно-концертного комплекса «Колизеум». Ну, для проведения крупных спортивных состязаний и гала-концертов всемирно известных рок и поп-звёзд. Любашин кузен обещал обеспечить в нашем городишке гастроли самых знаменитых артистов современности, если будут сооружены соответствующие их высочайшему уровню сцена и зал. Удобное географическое расположение Тернополя между Киевом и Львовом, двумя самыми значительными культурными центрами Украины, должно было гарантировать приток состоятельных зрителей из этих богатых городов и распродажу чрезмерно дорогущих входных билетов.

Артём так увлѣк своей идеей финансистов и отцов города, что те готовы были рискнуть значительными капиталами ради столь сомнительного и призрачного предприятия. Планировалось так же строительство двух шикарных пятизвѣздочных отелей неподалеку от здания «Колизея». В перспективе намечалось сооружение в Тернополе крупнейшего в Украине казино и современного аэропорта за чертой города, способного принимать огромные авиалайнеры, включая и "Боинг 747". Артём со всей серьезностью обещал превратить наш город в украинский Лас-Вегас или даже в средневропейское Монте-Карло.

– Неужели кто-то мог поверить в такие сказочные бредни? – выразил я мои глубочайшие сомнения. – А ты и твой братец случайно не родственники Остапу Бендеру? Или ты хочешь сказать, что тернопольские бизнесмены и политики такие безграмотные балбесы, что не читали «Двенадцать стульев»?

– Я же тебе говорил, что Артём обладал необыкновенным даром убеждения и мог бы втереться в доверие и к самому Лаврентию Берия, и даже к Гиммлеру, если б они сидели в одной камере, – обиженно насупился Степан. – А обывателям свойственно постоянно наступать на одни и те же самые старые грабли. Люди не в состоянии учиться на своем собственном опыте, а ты хочешь, чтобы они учились на чьем-то чужом. В таком случае, последнему жулику палач прилюдно снес бы голову на Лобном месте ещё в раннем средневеко-

вье! Или ты считаешь, что тернопольские наварихи слеплены из особого теста?

– Не наварихи, а нувориши, – сердито проворчал я.

– Нет! Именно наварихи! – безжалостно отбросил мою поправку самобытный социолог. – Они баснословно «наварились» на развале Советского Союза, на приватизации, а также на полной безответственности и бесконтрольности в независимой Украине. В своем подавляющем большинстве эти люди волей случая оказались у оставшейся без присмотра государственной кормушки. Но от этого они ни умней, ни образованней так и не стали.

А Артем в подтверждение своих слов демонстрировал многочисленные слайды и фотографии. На одном снимке он сидел за столом в ресторане чуть ли не в обнимку с Аллой Пугачевой и Филей Киркоровым. На другом – оживлённо беседовал за кулисами с возбужденной Ириной Аллегровой. На третьем – хохотал над какой-то незамысловатой шуткой с развеселой Веркой Сердючкой. Но были у него и более серьёзные фотодокументы. Я сам видел фотки, где Артём сосал через трубочку коктейль на террасе особняка Майкла Джексона в обществе гостеприимного хозяина и других звёзд американского шоу-бизнеса. Были фотографии, где мой родственничек жарко спорил с Джордж Майклом на съёмках очередного клипа или давал советы Элтон Джону при звукозаписи нового сингла. И почти на всех фотографиях красовались автографы соответствующих ко-

рифеев и звёзд мировой величины. О близком знакомстве Артёма с Джордж Майклом и Элтон Джоном, а также отечественными эстрадными супергеями безоговорочно верили, зная о его, мягко говоря, странных сексуальных наклонностях. Тем более, что Артём частенько исчезал из города на месяц-другой, а потом возвращался с новыми фотками и гордо показывал свой паспорт с американской, австралийской, канадской визой, а также с визами почти всех европейских стран. Отметки о вылете и прилёте правдиво свидетельствовали о достоверности вояжей. Правда, Артём почему-то всегда убывал в свои путешествия по миру не из Киева, а через аэропорт польской столицы.

Этот прохвост мог позвонить прямо из дома мэра Алле Борисовне, Валерию Леонтьеву, Борису Моисееву и прочим знаменитостям, чтобы те подтвердили своё участие в гала-концерте, приуроченному к будущему открытию «Колизеума».

Проект строительства культурно-развлекательного комплекса держали в строжайшем секрете, чтобы столичные воротилы не всунули свой нос в это перспективное предприятие и не попытались нагло войти в долю. Артём, как будущий генеральный менеджер «Колизеума», сумел собрать солидные кредиты и щедрое пожертвование от местных бизнесменов и финансовых баронов. Под комплекс и казино уже были выделены крупные участки на берегу Тернопольского водохранилища. Артём отправился на Урал для закупки ценного

отделочного камня и древесины, хотя ещё даже не был вырыт котлован под фундамент здания Центра. Уехал – и безвозвратно исчез.

– Как исчез? – прошептал я, холодея от ползучего ужаса.

– Бесследно, – трагическим тоном оповестил меня Степан. – В поезде «Москва – Пермь» он познакомился с какими-то российскими бизнесменами. Девушке-секретарше сказал, что пойдёт и выпьет рюмочку коньячка в вагон-ресторан и обсудит с новыми партнёрами наметившуюся сделку. И больше Артёма никто не видел. Секретарша легла спать и проснулась почему-то только в пункте назначения. Бедняжка подняла тревогу, но никто не видел, чтобы Артём и его новые знакомые выходили или в Перми, или на какой-то другой промежуточной станции. Они как будто растворились в воздухе и незаметно испарились из переполненных вагонов скорого поезда. Заплаканная секретарша заявила российской полиции, что бизнесмены, с которыми познакомился её шеф, больше смахивали на разбойников или бандитов. И она не понимает, как Артём Николаевич мог довериться таким мерзким уголовным рожам.

– Да-а-а! – печально посочувствовал я несчастному генеральному менеджеру. – Уголовщина буйным цветом распустилась и расцвела на постсоветском пространстве, и деловые люди чаще всего становятся жертвами бандитствующих уголовных элементов.

– Ты как всегда прав, Василий, – грустно кивнул гигант, но

мне показалось, что лёгкая улыбка вдруг скользнула по его лукавому лицу. – Исчез так же кейс Артёма со всеми документами, а также солидная сумма наличной валюты. Но хуже всего, что каким-то таинственным образом исчезли деньги со всех счетов ещё не выстроенного «Колизея». Их перевели в Россию, затем на Кипр, потом в какую-то латиноамериканскую страну, потом ещё куда-то. В конце концов, деньги были сняты кем-то наличными и следы их затерялись где-то далеко-далеко от безутешной Родины-Матери.

Мэра города чуть, было, не хватил удар, у губернатора случился тик, а бизнесмены-инвесторы заполучили серьёзные нервные и психические расстройства. Артём и колоссальные средства как в воду канули. Интенсивные поиски и скрупулезные расследования, увы, так ни к чему и не привели. Делу побоялись дать широкую огласку. Кому охота выставлять себя доверчивым простофилей, ротозеем и законченным дураком.

Но угрюмые мафиозные личности и частные детективы ещё долго терроризировали всю родню Артёма, пытаясь хоть как-то напасть на его след. И к нам приходили шкафообразные мордороты в серых костюмах и чёрных очках. Они методично жевали жвачку и цедили скупые, жесткие слова сквозь свои блестящие золотые фиксы. Наглые, как товарные паровозы! Уж очень интересовались, не присылал ли кузен тайно моей супруге какую-либо весточку. Я уже хотел было повышвыривать их через окна моего дома, но Любаша от-

чаянно хватала меня за руки и, рыдая, причитала, что беденького Артёма уж давным-давно нет в живых. Какие-то головорезы позарились на большую сумму наличных денег, которая в командировке была при нём. И тело её несчастного брата так и гниёт где-то не погребённым на дне жутких и непроходимых вятских болот. А какая-то хитрая сволочь похитила деньги уважаемых людей и свалила всё на Артёма, который с того света не может ни отмыться, ни оправдаться, ни защитить своё доброе, честное имя. Но, похоже, ей не очень-то и верили.

– А как же фотографии со знаменитостями? – не удержался я.

– Дотошные детективы дозвонились Пугачёвой и Аллегровой и даже съездили к ним с небезызвестными фотографиями, – ухмыльнулся Степан. – Алла Борисовна заявила, что в жизни не видела этого странного наглого типа. Она отлично помнила тот вечер в ресторане, но утверждала, что на том месте, где, широко улыбаясь, сидел Артём, находился её первый зять. Ирина Аллегрова же сказала, что у неё была точно такая же фотография, вот только тогда рядом с ней стоял Игорь Крутой.

Навелись сыщики и к знаменитым русско-украинским артапедам. Но они и слыхом не слыхивали ни о каком таком Артеме Белоножке.

– А при чём тут ортопеды?! – в очередной раз удивился я. – У твоего племянника были проблемы с опорно-двигатель-

тельным аппаратом?

– Нет. У него были проблемы с запорно-трахальным аппаратом, а у тебя, как я вижу, серьёзные проблемы со слухом, – поддел меня развеселившийся исполин. – Не ортопеды, а артапеды! Это артисты с иной сексуальной ориентацией, а если по-народному – сценические геи. У Артёма была целая куча фоток, где он был изображён в обнимку со многими известными эстрадными извращенцами.

Лишь гораздо позже от жены я узнал, что в Одессе живёт и плодотворно трудится непревзойдённый мастер компьютерной графики и коллажа Фима Дызкин. За 50 долларов этот кудесник мог втиснуть твоё изображение на любую фотографию, да так искусно, что никакая экспертиза не докопается и не докажет, что это фальшивка или подделка. Его стараниями твоя сияющая физиономия вполне естественно могла выглядывать из-под мышки английской королевы, из-под одеяла постели Мадонны или Дженнифер Лопес, или из секретного сейфа Джорджа Буша Младшего. Кроме того, с помощью современных синтезаторов звука Дызкин мог преобразовать твой голос так, что его мама родная не узнает. К примеру, я говорю в микрофон синтезатора, а из динамиков ту же фразу повторяет голос Жванецкого. Вообще-то Фима занимался куда более серьёзными делами. Его дом всегда был полон новейшей компьютерной и копировальной техники, посредством которой фабриковались и подделывались любые документы. А проделки с голосами и фотографиями

были для Дызкина нечто вроде профессиональной слабости или весёлого хобби. Как оказалось, Фима и Артём были давно знакомы и близко сдружились на почве общей любви к поп-музыке и артапедии.

– Но куда же тогда подевался сам Артём Белоножка? – нетерпеливо дёрнул я Степана за рукав.

– Лишь через несколько лет Любаша мне проболталась, что жив, здоров её двоюродный братец и даже вылечился от своей непристойной болезни, – не без удовольствия, открыл мне семейную тайну мой ухмыляющийся товарищ.

– Как вылечился?! – поражённо простонал я, до неприличия широко открыв рот. Где-то в глубине души я начал понимать, что мои познания в медицине или безнадёжно устарели, или были изначально в корне не верны.

– Где-то за рубежом, кажется в Швейцарии, в частной клинике ему сделали сложнейшую дорогостоящую операцию, – благодушно поведал мне гигант, с наслаждением любясь моей удивлённой физиономией. – Там ему что-то отрезали, что-то пришили, что-то вживили, – и сбылась мечта идиота – Артём превратился в настоящую Артемиду!

– Какой ужас! – сконфуженно схватился я за голову. – Человек испортил себе всю оставшуюся жизнь!

– Ну, зачем же так скоропалительно выносить вердикт?! – категорично не согласился со мной Степан. – Хочешь – верь, хочешь – не верь, но Артемиды очень даже удачно вышли замуж и счастливо живёт в законном браке со своим отзывчи-

вым и любящим супругом.

– Замуж?! Господи!!! – ошалело взревел я. – За кого?!!

– А за наёмного киллера, которого послали разъярённые кредиторы, чтоб жестоко наказать дерзкого жулика и проходимца, отобравшего их кровные, в поте лица наворованные денежки, – флегматично разъяснил мне гигант. – Говорят, этот хладнокровный убийца, по кличке Удав, был воистину неуловим и беспощаден. Многие громкие нераскрытые заказные убийства в странах СНГ, а также в ближнем и дальнем зарубежье, теперь приписываются именно ему. Хотя его конёк – это организация и воплощение в жизнь естественных «несчастных случаев» и «самоубийств».

Даже не могу себе представить, какие слова смогла отыскать Артемида, чтобы растрогать этого безжалостного монстра, эту бездушную каменную скалу! Но факт остается фактом. Сейчас любящие супруги душа в душу живут на своей шикарной вилле в окрестностях Аделаиды, и с нежностью и любовью воспитывают своего пока что единственного маленького сынишку.

– Кх... кх... ка-ка-кого сы-сы-ниш-ш-шку? – заикаясь от ужаса, прохрипел я.

Наверно, вид у меня был совершенно одурелый, так как Степан встревожено взглянул на меня и, подойдя поближе, мягко охватил своей левой рукой мои нервно трясущиеся плечи.

– Успокойся, дружище! Нельзя же всё так близко при-

нимать к сердцу, – голосом опытного психотерапевта произнёс гигант и по-отечески погладил своей правой ладонью мою гудящую от ужасной мигрени голову. – Ну, усыновили они маленького мальчика-сироту из местного племени австралийских аборигенов. Любаша как-то украдкой показала мне семейную фотографию теперь уже своей заморской двоюродной сестрицы. Жуткая картина! Такие впечатляющие фотки на ночь перед сном желательно не смотреть! А вообще-то...

Степан неожиданно умолк и остолбенело замер, растерянно уставившись на что-то, находящееся за моей спиной. Глаза его расширились, брови удивлённо приподнялись. Я нервно оглянулся через плечо – и тихо охнул.

Между стен строений улицы, плавно уходящей вниз, я увидел тускло мерцающую в темноте гладь не то устья реки, не то залива океана. Только сейчас я услышал, что слабый ветерок доносит до нас отдалённый шум волн, ритмично набегающих на прибрежные скалы. Мои чуткие ноздри уловили слабый запах морских водорослей, совсем недавно выброшенных прибоем на каменистый берег старого Порто.

– Степа! А тебе не кажется, что, вон там впереди, тихо плещутся волны великого Атлантического океана?! – не смог я скрыть закравшегося в мою душу подозрения.

– Вот здорово! – по-детски захлопал в ладоши мой экспансивный попутчик. – С тех пор как я демобилизовался из Северного Флота, мне не выпадало случая насладиться кра-

сотами ночного океана, полюбоваться серебристыми бликами лунной дорожки на его чистой зеркальной глади ...

– Погоди, дружок! – безжалостно пресек я вдохновенные словоизлияния восторженного исполина. – Помнишь, ты мне рассказывал о двухпудовой кувалде для особо точной настройки ходовой части вашего крейсера?!

– Конечно, помню! – возмутился гигант. – Да я поведал тебе эту историю всего каких-то два с половиной часа назад!

– Так вот! Нам срочно необходимо где-то достать эту очень нужную и полезную штуку! – настоятельно порекомендовал я моему компаньону.

Глаза Степана округлились до такой степени, что он стал походить на гигантского мышиноного лемура-переростка.

– Зачем?!!

– Для срочной рихтовки, настройки и перезагрузки твоего внутреннего навигатора, – растолковал я моему хвастливому проводнику давно назревшую проблему. – Иначе ты заведешь нас в самые ужасающие бандитские трущобы старого Порто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.